



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 4, pp. 871–881, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>



УДК / UDC 81-26

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-871-881

Опыт анализа проблемно-разрешительных механизмов в бурятско-русской билингвальной речи

Алтана Доржиевна Базаржапова¹, Мария Дмитриевна Воейкова²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет (д. 11, ул. Университетская набережная, 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 студентка 4-го курса бакалавриата

 0000-0003-3292-6839. E-mail: altanaanatla@mail.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет (д. 11, ул. Университетская набережная, 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-7459-1013. E-mail: maria.voeikova@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Базаржапова А. Д., Воейкова М. Д., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу встречающихся в бурятско-русской билингвальной устной речи проблемно-разрешительных механизмов — универсальных коммуникативных стратегий, позволяющих билингам выстраивать и поддерживать коммуникацию на бурятском языке, несмотря на нехватку некоторых языковых ресурсов и навыков. Это первая попытка анализа обширного речевого материала, включающего в себя случаи применения проблемно-разрешительных механизмов, с целью описать черты билингвальной речи и характер социального двуязычия на территории этнической Бурятии, а также показать продуктивность анализа проблемно-разрешительных механизмов в исследованиях по бурятско-русскому двуязычию. *Материалом* для исследования послужили записи развлекательной шоу-викторины «Түхэриг» (2019–2020 гг.), в которой приняло участие 285 билингов, живущих в разных районах этнической Бурятии и владеющих бурятским языком на разном уровне. *Методы.* При описании речевых портретов билингов фиксировались детали их речевого поведения, указывающие на характер возникшей проблемы и тип примененного для ее решения механизма; с опорой на справочную литературу проводилась оценка того, насколько удачно был применен тот или иной механизм, а также рассчитывалась корреляция между возрастными характеристиками информантов и степенью выполнения ими заданий и выбором языка общения. *Результаты.* В материале было обнаружено большое количество проблемно-разрешительных механизмов разного типа, выявлены причины и логика их активации. Материал исследования, несмотря на его специфику, позволил наглядно изучить черты социального двуязычия в ре-

гионе. *Выводы.* Наблюдения, сделанные в ходе исследования, иллюстративно подтверждают и уточняют выводы других исследователей о том, что речь в регионе отчетливо двукодовая, крупные пласты бурятской лексики находятся в пассивном словарном запасе бурятско-русских билингвов, а бурятская речь многих из них, несмотря на использование активного лексикона, что позволяет билингвам порождать высказывания на бурятском языке, все же оказывается неточной и не демонстрирует смыслового разнообразия.

Ключевые слова: бурятско-русское двуязычие, коммуникативные стратегии, проблемно-разрешительные механизмы, языковая ситуация, социальное двуязычие

Для цитирования: Базаржапова А. Д., Воейкова М. Д. Опыт анализа проблемно-разрешительных механизмов в бурятско-русской билингвальной речи // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 871–881. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-871-881

Buryat-Russian Bilingual Speech: Problem-Solving Mechanisms Analyzed

Altana D. Bazarzhapova¹, Maria D. Voeikova²

¹ St. Petersburg State University (11, Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russia)

B.A. Student

 0000-0003-3292-6839. E-mail: altanaanatla@mail.ru

² St. Petersburg State University (11, Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russia)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-7459-1013. E-mail: maria.voeikova@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Bazarzhapova A. D., Voeikova M. D., 2022

Abstract. Introduction. The article analyzes problem-solving mechanisms occurring in Buryat-Russian bilingual oral speech, the former being universal communicative strategies that enable bilinguals to construct and maintain Buryat language communication in the absence of some language resources and skills. *Goals.* The study attempts an analysis of extensive speech materials that include certain problem-solving mechanisms and aims at describing features of bilingual speech and essentials of social bilingualism from across the territories of ethnic Buryatia, as well as at showing analyses of such mechanisms be rewarding for explorations of Buryat-Russian bilingualism. *Material and methods.* The work examines recordings (speech narratives) of Tükherig TV Quiz Show (2019–2020) to have been attended by 285 bilinguals from different areas of ethnic Buryatia and with differing Buryat language proficiency levels. Speech portraits of the bilinguals contain details of their speech behavior individually indicating a certain problem faced and a mechanism employed to solve the latter. Reference editions prove instrumental in assessing efficiency of each specific mechanism activated and calculating correlations between age characteristics of the informants and task fulfillment rates, including actual communication language choices. *Results.* The paper reveals quite a number of various problem-solving mechanisms, identifies their activation reasons and logic. The narratives — though specific enough — make it possible to delineate features of social bilingualism in the region. *Conclusions.* The observations vividly confirm and illustrate findings of other researchers as to that the region's communication paradigm is distinctly two-coded, with large layers of Buryat vocabulary remaining passive for Buryat-Russian bilinguals. This results in that though actively used basic words enable bilinguals to generate utterances in Buryat, the latter largely prove inaccurate and demonstrate no semantic diversity.

Keywords: Buryat-Russian bilingualism, communication strategies, problem-solving mechanisms, language situation, social bilingualism

For citation: Bazarzhapova A. D., Voeikova M. D. Buryat-Russian Bilingual Speech: Problem-Solving Mechanisms Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(4): 871–881. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-871-881



Введение

Билингв в общении на втором, освоенном им в той или иной степени, языке (L2 communication) неизбежно сталкивается с разного рода проблемами, связанными с пониманием высказывания собеседника и формулированием собственного высказывания. Решая эти проблемы, билингвы демонстрируют использование различных лексических, фонологических, грамматических стратегий, которые позволяют им поддерживать коммуникацию на втором языке при нехватке языковых ресурсов или навыков и создавать пусть и несовершенные, но коммуникативно удачные высказывания.

Изучение этих стратегий в зарубежной лингвистике имеет длинную историю, на протяжении которой разные исследователи предлагали свои подходы к их трактовке (см. подробную обзорную работу З. Дёрнеи и М. Скотт: [Dörnyei, Scott 1997: 173–210]).

Эти стратегии в работе З. Дёрнеи и Ю. Кормош [Dörnyei, Kormos 1998: 349–385] получили название *проблемно-разрешительные механизмы* (*problem-solving mechanisms*) (далее — ПРМ). Под этим термином понимаются универсальные коммуникативные стратегии, которые может демонстрировать в своей речи билингв как с одновременным двуязычием (оба языка усваиваются одновременно), так и с последовательным двуязычием (один язык был усвоен раньше) естественного или искусственного (при котором второй язык усваивается в результате направленного обучения) типа. Многие из описанных исследователями механизмов приложимы и к речи монолингвов.

Согласно типологии З. Дёрнеи и Ю. Кормош [Dörnyei, Kormos 1998: 349–385], можно выделить 40 видов таких механизмов и 4 основных источника проблем, двум из которых — дефициту языковых ресурсов (*resource deficit*) и нехватке времени для обработки языковой информации (*processing time pressure*) — уделяется внимание в настоящей статье. Два других источника проблем, связанные с обнаруженными проблемами в своей и воспринимаемой речи, требуют интроспективных комментариев информантов. Поскольку такие комментарии

недоступны для нас в силу особенностей материала, мы ограничились анализом дефицита времени и ресурсов.

Коммуникативные стратегии и ошибки в речи традиционно являются богатейшим материалом для исследований разного спектра; «важность изучения речевых ошибок осознается лингвистами <...> уже более века» [Русакова 2013: 48].

Изучая ПРМ в речи билингвов определенного региона, исследователь может получить ценные сведения не только об особенностях индивидуального двуязычия того или иного билингва, но и о характере *социального двуязычия* и взаимодействия языков в этом регионе. В центре внимания настоящего исследования находится регион этнической Бурятии¹, характеризующийся своеобразной языковой ситуацией. Русский и бурятский языки являются основными языками общения в регионе. Если пользоваться терминологией голландского социолога А. де Сваана [de Swaan 1993], переведенной на русский язык и примененной по отношению к бурятскому языку Д. Д. Трегубовой [Трегубова 2016: 75–82], русский язык, будучи суперцентральный языком (всего в мире их 13), является доминантным по отношению к бурятскому языку, чей статус колеблется между центральным и периферийным (а периферийные языки в большей степени являются языками устного общения, нежели чтения и письма). Эта доминация выражается, в первую очередь, демографически², и связанная с этим функциональная доминация русского языка очевидна на фоне функционального ослабления бурятского языка: его лексическая система

¹ Под этим, принятым в современной монголистике, определением понимаем «регион компактного проживания современных бурят на территории РФ, включающий в себя Республику Бурятия, бывший Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (ныне — часть Иркутской области) и Агинский Бурятский автономный округ (ныне — часть Забайкальского края)» [Хилханова 2009: 3].

² См. подробный анализ статистических данных Всероссийской переписи населения о владении русским и бурятским языками среди бурят: [Дырхеева 2015: 158–166].

активируется говорящими все меньше и меньше, билингв чувствует неспособность автоматически воспроизводить нужные слова и часто (если не всегда) переключает код бурятского языка на код русского. «Каждое следующее поколение общается на меньшем глоссарии, чем тот объем, на котором основывалось общение предыдущих поколений» [Дашинимаева и др. 2010: 37].

Помимо понятия *массового пассивного двуязычия* [Дырхеева 2018: 302–320], языковую ситуацию в этнической Бурятии можно описать через наличие в регионе большого количества билингвов, имеющих в сущности статус *эритажников* (*heritage speakers*)¹, т. е. билингвов, выросших в семье, где кто-то из родственников говорил на бурятском языке, но не усвоивших бурятский язык в полной мере из-за большой роли русского языка в жизни ребенка.

Материал и методы исследования

Языковая ситуация в регионе этнической Бурятии описана достаточно подробно, однако на данный момент нет комплексных исследований бурятской речи, которые на основе анализа коммуникативных стратегий, проблемно-разрешительных механизмов, используемых в речи русско-бурятских билингвов, позволили бы уточнить черты социального двуязычия в регионе. Настоящая работа представляет собой опыт такого исследования. Она выполнена на материале устной спонтанной речи русско-бурятских билингвов, участвовавших в телепередаче «Түхэриг»² [Түхэриг 2021], выпуски кото-

рой размещены в YouTube (3 сезона передачи, записанной в период 2019–2020 гг.). Суть первых двух сезонов передачи заключается в том, что ведущий, перемещаясь по регионам этнической Бурятии, предлагает прохожим принять участие в викторине на знание бурятского языка. Ведущий, владея русским и бурятским языками, обращается к потенциальным участникам на бурятском языке, настраивая их на диалог и призывая также говорить на бурятском языке. Третий сезон передачи тоже снят в формате языковой викторины, но участниками являются приглашенные из разных регионов этнической Бурятии гости с довольно высоким уровнем владения бурятским языком. Таким образом, наши информанты представляют собой смещенную выборку, так как для участия в передаче отбирались только те местные жители, которые хотя бы в какой-то степени владеют бурятским языком и признают свой билингвальный статус.

В игре приняли участие 285 билингвов³ (далее — информантов). Самое частотное задание игры — перевод одного слова с русского языка на бурятский, или, точнее, подбор *межъязыковых синонимов* — «слов обоих языков, полностью или частично совпадающих по значению и употреблению (и, соответственно, являющихся эквивалентами при переводе)» [Англо-русский 1969: 371–372].

ковой викторины не дает говорящим возможности породить сложные высказывания и сужает тему диалога, но он позволяет настроить их на метаязыковую рефлекссию, вскрывает языковые проблемы, с которыми билингв сталкивается или мог бы столкнуться в обычном общении, но которые он сам не осознает. Кроме того, данный материал ранее не оказывался в центре внимания исследователей.

³ Тот или иной участник шоу признавался билингвом в том случае, если во время записи он продемонстрировал навыки порождения и/или понимания (в случае пассивного двуязычия) бурятской речи, т. е. в данной работе под двуязычием понимается не узкое определение (одинаково совершенное владение двумя языками), а широкое определение, согласно которому, по формулировке исследователя Ф. Грожана, «билингвы владеют своими языками на таком уровне, в котором они нуждаются в них» («bilinguals know their languages to the level that they need them») (перевод А. Д. Базаржаповой) [Grosjean 2000].

¹ Употребляя это понятие, следуем за исследовательницей Г. Вальдес, которая предложила называть эритажными носителями языка таких индивидов, которые росли в семье, где, помимо английского языка, регулярно воспроизводился другой язык, но не усвоили этот язык в полной мере, поскольку английский был доминантным [Valdés 2000: 375–403]. Несмотря на то, что оригинальное определение описывает ситуации, в которых английский выступает доминантным языком, оно может быть применено и по отношению к затронутой нами проблеме.

² Выбор записей шоу «Түхэриг» в качестве материала для исследования объясняется тем, что зафиксированные в нем рефлексивные комментарии говорящих и невербальная информация (жесты, мимика) играют большую роль в интерпретации материала. Пусть формат язы-

В сущности, это задание в искусственной форме воспроизводит такую речевую ситуацию, когда билингв, конструируя высказывание на втором языке, ищет необходимое слово/выражение для передачи задуманного им смысла/значения, но отличие между естественной коммуникацией и ситуацией задания состоит в том, что во втором случае искомая форма подбирается без опоры на контекст.

Описание речевого портрета информантов велось по единой схеме, включающей их социальную характеристику, указание степени выполнения ими заданий, а также ссылку на номер передачи и тайм-код¹ записи, где запечатлен информант. Оформленный таким образом корпус здесь не приводится. При анализе речи активно использовался бурятско-русский словарь [Шагдаров, Черемисов 2010].

Проблемно-разрешительные механизмы в речи бурятско-русских билингвов

В подавляющем большинстве случаев удалось выявить причины и логику активации ПРМ. В связи с ограничениями объема статьи далее рассматриваются лишь наиболее показательные для исследования примеры. Так, наиболее частотными проблемно-разрешительными стратегиями, которые применяет билингв при дефиците языковых ресурсов, оказались приблизительное обозначение (*approximation*), описательное представление концепта (*circumlocution*) и феномен «слова на кончике языка» (*tip-of-the-tongue phenomenon*). Рассмотрим их подробнее.

Приблизительное обозначение. Суть этого механизма состоит в том, что говорящий использует в речи слово, значение которого близко к значению того слова, которое он в данный момент не может вспомнить или не знает. Зафиксировано 35 случаев применения этого ПРМ. Наиболее показательные из них приведены ниже в списке: в марровских кавычках указывается значение

искового бурятского слова или, иными словами, русское слово, которое нужно было перевести на бурятский язык; само искомое бурятское слово указано в скобках; после двоеточия следуют бурятские слова, которые информант представил в качестве ответа, и их значение.

- 1 'растение' (*ургамал*): *ногоон* 'трава, зелень' (1.3; 9:07-11:35);
- 2 'наблюдать' (*адаглаха*): *хараха* 'смотреть, видеть' (1.5; 1:11-3:55);
- 3 'водопад' (*хүүюур*): *уһан* 'вода' (1.6; 0:49-1:41);
- 4 'жидкость' (*шэнгэн юумэн*): *уһан* 'вода' (2.1; 19:08-19:53);
- 5 'пар' (*уурал*): *амин* 'дыхание' (2.7; 5:57-8:48);
- 6 'пар' (*уурал*): *уһан* 'вода', *үүлэн* 'облако' (2.10; 10:50-13:33);
- 7 'хищник' (*арьяатан*): *шоно* 'волк' (1.6; 1:43-2:32);
- 8 'хищник' (*арьяатан*): *амитан* 'животное' (3.3; 20:30-21:13);
- 9 'столица' (*ниислэл хото*): *хото* 'город' (1.6; 4:15-4:56);
- 10 'бедный' (*үгүтэй / ядуу*): *үнишэн* 'сирота' (1.6; 5:01-7:12);
- 11 'щенок' (*нохойн гүлгэн*): *нохой* 'собака' (1.7; 10:23-14:01);
- 12 'общество' (*олоништэ*): *зонууд* 'люди, народы' (2.1; 9:37-10:33);
- 13 'юбилей' (*ойн баяр*): *наадан* 'игра, развлечение', *түрэ* 'свадьба', *амаршалга* 'приветствие, поздравление' (2.1; 20:06-21:10);
- 14 'колдун' (*эльбэшэн*): *бөө* 'шаман' (2.4; 12:33-13:09);
- 15 'бисер' (*хубһан*): *шүрэ* 'коралл (камень)', *гоёолто* 'отделка, украшение' (2.5; 18:33-19:27);
- 16 'подруга' (*хани басаган*): *нүхэр* 'друг' (2.6; 13:14-16:22);
- 17 'вред' (*хорон*): *муухай* 'грязный, безобразный' (2.7; 14:49-15:37);
- 18 'олень' (*буга*): *хандагай* 'лось' (2.9; 22:06-23:49);
- 19 'косуля' (*гүрөөһэн*): *хандагай* 'лось' (1.3; 4:22-6:04);
- 20 'яркий' (*ялагар / хурса*): *сэбэр сагаан* 'белоснежный' (2.8; 16:56-17:47);
- 21 'капризный' (*эрхэ / эрхэдэг зантай*):

¹ Далее при рассмотрении того или иного языкового примера в скобках в формате (N.N; ...-...) указывается номер выпуска и тайм-код записи, где зафиксирован данный пример. Цифра до точки — номер сезона, после точки — номер выпуска в сезоне. 1-й сезон состоит из 8 выпусков, 2-й сезон — из 15, 3-й сезон — из 9.

- залхуутай ‘надоедливый, нудный’,
хашиартай ‘надоедливый, неприятный’
(2.12; 4:18-5:02);
- 22 ‘корзина’ (түрсүүг): зантуу ‘железное
ведро’ (2.13; 6:07-8:58);
- 23 ‘пряжа’ (ээрэдэһэн): ноохон ‘шерсть’ (2.14;
7:49-10:11);

Из списка видно, что затруднения у информантов могут вызывать слова разной тематики. В одних случаях (пп. 3, 8, 9, 21, первый ответ в п. 6) говорящий знает бурятское слово с общим, гиперонимическим, значением, но не владеет знанием о слове с более специализированным значением, гипониме, или эти слова находятся в пассивном словарном запасе информанта. В других случаях (пп. 1, 4, 7) информанту неизвестно или сразу не приходит на ум родовое наименование. В остальных случаях информант в качестве ПРМ прибегает к называнию слов, либо относящихся к той же тематической группе, что искомое слово (особенно этим богат п. 13), либо принадлежащих одной и той же лексико-семантической группе, либо связанных с искомым словом ассоциацией. В этом отношении особенно примечателен пример под номером 20: информант в поиске лексемы с заданным значением ‘яркий’ приходит к цветовому обозначению.

Описательное представление концепта. Применение этого ПРМ можно наблюдать в случаях, когда говорящий, не найдя нужных языковых средств для выражения задуманного концепта, стремится передать его путем иллюстрирования, описания, приведения примеров. В материале зафиксировано 13 таких случаев. Несколько из них представлено ниже в таком формате: русское слово, указанное в начале, — то слово, которое нужно было перевести на бурятский язык, в скобках — искомый бурятский аналог, а строчкой ниже указан ответ информанта с комментарием-гlossой. Глоссирование основано на Лейпцигских правилах (The Leipzig Glossing Rules).

- (1) Художник (зурааша):
зурадаг хүн (2.2; 15:21-16:33)
рисовать-PTCP.NAV человек
‘рисующий человек’
- (2) Кувшин (домбо):
ута хоолойтой аяга (2.4; 5:05-5:51)
длинный горлышко-СОМ чашка
‘чашка с длинным горлышком’

- (3) Берлога (эшээн) (2 случая активации ПРМ):
баабгайн гэр (2.13; 2:45-6:00)
медведь-GEN дом
‘дом медведя’
- (4) баахалдайн байра (3.9; 21:21-21:51)
медведь-GEN место
‘жилище медведя’
- (5) Постель (унтари / хэбтэри):
юун дэлгээтэй (2.14; 4:22-5:10)
вещь расстилать-PTCP.PASS[3SG/PL]
‘то, что расстелено’
- (6) Биография (намтар):
өөр тухайгаа хөөрэхэ (3.9; 21:21-21:51)
себя PSTP-REFL рассказывать-INF
‘рассказывать о себе’

В других случаях активации этого ПРМ удалось зафиксировать развернутый рефлексивный комментарий информанта. Например, один информант (2.3; 6:13-7:36) затруднялся воспроизвести бурятское слово со значением ‘секрет’ (нюуса): *Секрет буриадаар... точно хэлэжэ мэдэхэгүйб. Примерно хэлэ [нрзб] хүнэй... юун гээд хэлэхэ юм даа? Хүнэй, хүнэй, хүнэй... досоохи.* В русском переводе его речь звучит так: *Секрет по-бурятски... точно сказать не смогу. Если примерно говорить... у человека... как же сказать? — и финальное выражение хүнэй досоохи буквально означает ‘то, что внутри человека’ и в словаре зафиксировано с переносным значением ‘внутренний мир человека’.*

Феномен «слова на кончике языка». Суть этого ПРМ заключается в том, что говорящий в попытке подобрать и произнести лексическую единицу произносит ряд незавершенных/неверных форм слова или конструкций, до тех пор пока не находит оптимальную форму. Зафиксировано 10 таких случаев, которые приведены внизу в следующем формате: искомое слово, его значение; после двоеточия указывается ряд незавершенных/неверных форм, которые информант воспроизводит во время поиска нужного слова, и финальная форма — то, на чем говорящий в результате остановился:

- 1 хуули ‘закон’: «...ху= ху= ху= хубилгаан». Хубилгаан — ‘оборотень, перерожденец’ (1.2; 4:12-6:25);
- 2 оёдолион ‘портной (портниха, швея)’: «ойи= оё= оёдолион» (2.3; 10:18-10:45);

- 3 ботогон 'верблюжонок': «б= б= б= ... ой, ботогон» (2.4; 7:30-10:41);
- 4 худалдаашан 'продавец': «ху= худал= худалша». Худалша – 'обманщик' (2.4; 13:35-14:51);
- 5 түймэр 'пожар': «т= түймэр» (2.5; 5:20-5:57);
- 6 ангуушан 'охотник': «агну= агну= агнуушан» (2.9; 11:47-13:06);
- 7 хадхуртай 'колючий': «хад= х=» (2.14; 1:30-3:40);
- 8 баясхалан 'благодарность': «баял= баял=» (2.14; 7:49-10:11);
- 9 зөөри 'имущество': «зөө= бу= юунэй, зөөри» (2.15; 4:08-6:38);
- 10 зохёон бэшэлгэ 'сочинение': «һанам= һан=» (3.1; 21:23-21:54).

В половине случаев говорящий приходит к правильной форме. Среди других случаев выделяются два примера (1 и 4), поскольку финальное слово имеет совершенно другое значение, никак не связанное с изначально данным, и такая «подмена», вероятно, носит неосознанный характер. Кроме того, выделяется пример (10), поскольку слово, начальные слоги которого информант, вероятно, пытается произнести — *һанамжа*, не имеет значение 'сочинение' и в разных контекстах может значить 'мнение', 'помыслы', 'воспоминания', 'предложение'. Можно предположить, что логика рассуждения этого информанта строилась на следующей ассоциативной связи: сочинение — это то, что предполагает изложение собственных мыслей и мнения.

Создание нового слова (*semantic word coinage*). Активация этого ПРМ заключается в том, что говорящий, не найдя нужных средств для выражения концепта, создает не существующее во втором языке слово. Зафиксировано 6 фактов применения этого ПРМ, 2 из них рассматриваются далее. Информант (3.5; 21:44-22:13), перед которым стояла задача назвать бурятское слово со значением 'летучая мышь' (*һарьһан эрбээхэй* — букв. 'бабочка с перепончатыми крыльями'), представил в качестве ответа окказиональное словосочетание *һүниин хулгана* (*һүниин* — 'ночи, ночная', *хулгана* — 'мышь') При этом речь информанта при рассуждении звучала так: «*һүниин эрб= һүниин хулгана*». Примечательно, что незавер-

шенная форма *эрб-* — это начальный слог второго компонента из действительно существующей в языке единицы *һарьһан эрбээхэй* со значением 'летучая мышь'. Однако говорящий остановился на другом варианте, к которому пришел по ассоциативной связи (летучая мышь ведет ночной образ жизни) и отчасти путем буквального перевода (ПРМ *substitution plus literal translation*) на бурятский язык русского слова *мышь*.

Другой пример окказионального словообразования имеет шуточный характер: информант (1.5; 11:42-14:02) не смог назвать бурятское слово со значением 'говядина' (*үхэрэй мяхан*) и представил в качестве ответа придуманное им слово *үхэрһина*, образованное путем присоединения к бурятскому существительному *үхэр* 'корова, скот' русского суффикса *-ин* с появлением интерфикса *-н-* по аналогии со словами *баранина*, *свинина*, где *-н-* является частью корня.

Переключение кодов как ПРМ. Приведенные выше ПРМ являются наиболее частотными стратегиями, применяемыми при нехватке языковых ресурсов, однако надо отметить, что в других условиях (не в условиях викторины, при которой от говорящего требуют воспроизведения бурятских слов) в речи билингвов одним из широко применяемых механизмов этой категории, вероятно, оказалось бы переключение кодов (*code-switching*).

В опорной для данной статьи работе З. Дёрнеи и Ю. Кормош предлагается рассматривать многосторонний феномен переключения кодов как один из видов лексических ПРМ [Dörnyei, Kormos 1998: 359]: говорящий, не найдя нужных средств для выражения смысла, прибегает к ресурсам первого языка, сознательно включая в речь на втором языке лексические элементы первого языка, оформленные в соответствии с его фонетикой. Предположение о потенциально высокой частотности применения этого ПРМ основывается на том, что со многими загаданными в задании лексемами информанты столкнулись впервые или практически не используют их в речи. Так, поскольку информанты, показавшие достаточно хороший уровень владения бурятским языком, не знали или не вспомнили такие бурятские слова, как *дэбтэр* ('тетрадь') (1.1; 3:17-4:04), (1.2; 8:36-10:46), *һарнай* ('роза') (1.2;

8:36-10:46), *шара улаан* ('оранжевый') (1.2; 8:36-10:46), *шарха* ('рана') (1.7; 17:10-20:11) и др., то в условиях повседневного общения, не найдя нужных лексических средств для воспроизведения концепта на бурятском языке, эти билингвы обратились бы к средствам русского языка, и в их бурятской речи можно было бы услышать русские вкрапления *тетрадь, роза* и проч. Это подкрепляется указанием информантов на то, что для заданного концепта, по их мнению, нет бурятского наименования, например: *Рана гэжэ болог лэ даа* (*Рана — так и будет рана*) (1.7; 17:10-20:11).

ПРМ при дефиците времени обработки языковой информации. Проблема нехватки времени на обработку языковой информации — это затруднения, связанные с тем, что для билингва, у которого речевые навыки на втором языке менее автоматизированы, построение высказывания на этом языке занимает больше времени и усилий и сопровождается паузами или разными речевыми «пустыми» элементами, их заполняющими. Эти «заполнители» можно также считать проблемно-разрешительными механизмами, поскольку, употребляя их, говорящий стремится поддержать коммуникацию и выиграть время на рассуждение/построение высказывания. В речи информантов задействованы все виды ПРМ из этой категории, случаи их применения сложно подвергнуть счету. Настоящий интерес представляет использование лексических заполнителей (*fillers*). Паузу во время размышления информанты заполняли как русскими, так и бурятскими лексическими элементами. Чаще всего это были бурятские слова-заполнители *юун, тэрэ* (ближе всего

к русским *это, как там, как его*) и русские слова-заполнители *сейчас, ой, ну, так*. Часто паузы заполнялись тем, что информант во время рассуждения повторял ключевое слово задания, и о высоком уровне владения бурятским языком может свидетельствовать то, что ключевое слово, продублированное в речи билингва, наделяется фонетическими и морфологическими признаками бурятского языка, например: *закоомнай, жаад-нэмнай, поочтамнай* — продление ударного в русском языке звука и присоединение аффикса личного притяжания, или личной принадлежности (*-мнай* — аффикс личного притяжания 1 л. мн. ч.).

Возрастные особенности информантов и их связь с двуязычием. Помимо общего пользовательского корпуса, где фиксировалась характеристика каждого информанта, дополнительно была сделана таблица (см. ниже), в которой сравниваются общие речевые характеристики информантов разных поколений. В скобках указано процентное соотношение указанного количества информантов к общему количеству информантов данной возрастной категории. В приведенной статистике не отражены информанты, чью речь было трудно однозначно охарактеризовать: когда соотношение русских и бурятских элементов в речи говорящего равно или когда это соотношение невозможно установить (информант немногословен).

Благодаря ведению статистики подтверждается отмеченное другими исследователями (например: [Дашинимаева и др. 2010: 37]) наблюдение о связи возрастной характеристики билингва с уровнем его владения бурятским языком.

Таблица 1. Общая характеристика речевой деятельности информантов по возрастным группам

[Table 1. Informants' speech activity by age groups. General characteristics]

Поколение		Младшее	Средне-младшее	Среднее	Средне-старшее	Старшее
Возрастной интервал		до 18 лет	19–30 лет	31–45 лет	46–60 лет	61+ лет
Общее кол-во человек		10	91	81	55	48
Во время игры говорит по-бурятски	Выполнил(а) хотя бы одно задание	3 (30 %)	32 (35,2 %)	27 (33,3 %)	26 (47,3 %)	25 (52,1 %)

	Задание не выполнил(а)	3 (30 %)	13 (14,3 %)	14 (17,3 %)	10 (18,2 %)	5 (10,4 %)
Во время игры говорит преимущественно по-бурятски	Выполнил(а) хотя бы одно задание		12 (13,2 %)	12 (14,8 %)	5 (9,1 %)	10 (20,8 %)
	Задание не выполнил(а)		2 (2,2 %)	2 (2,5 %)	1 (1,8 %)	4 (8,3 %)
Во время игры говорит преимущественно по-русски	Выполнил(а) хотя бы одно задание	2 (20 %)	5 (5,5 %)	1 (1,2 %)		
	Задание не выполнил(а)		7 (7,7 %)	6 (7,4 %)	1 (1,8 %)	
Во время игры говорит по-русски	Выполнил(а) хотя бы одно задание		2 (2,2 %)			
	Задание не выполнил(а)	2 (20 %)	7 (7,7 %)	1 (1,2 %)	1 (1,8 %)	1 (2,1 %)

Данные таблицы 1 говорят о медленном падении уровня естественного билингвизма в регионе. Заметно, что для участников младшего поколения характерно стремление перейти в игровой коммуникации на русский язык, а участники из старших двух групп стремятся и с ведущим говорить только по-бурятски. Переход на русский язык коррелирует с более высоким процентом невыполненных заданий. В младших группах процент невыполненных заданий в целом выше, чем в старших. Все это косвенно свидетельствует о необходимости дополнительных мер поддержки национального языка в регионе.

Выводы

Завершая анализ материала, можно сделать ряд выводов, важных для понимания специфики как индивидуального, так и социального бурятско-русского двуязычия на территории этнической Бурятии.

1. Поскольку рефлексивные комментарии говорящих и многие не рассмотренные здесь проблемно-разрешительные механизмы часто были оформлены на русском языке

(например, такие ПРМ, как переспросы и самоисправления), не возникает сомнения, что для большинства билингвов русский язык является опорным, т. е. функционирует в их сознании намного активнее, а речевые навыки в русском языке более автоматизированы. Среди рассмотренных иллюстраций таких ПРМ, как приблизительное обозначение, описательное представление концепта и создание нового слова, подавляющая часть была отмечена в речи информантов, в сознании которых бурятский язык функционирует достаточно активно, поскольку почти все из них продемонстрировали однородную бурятскую речь, без включения в нее элементов русского языка. Описательное представление концепта и создание нового слова наиболее тесно связаны с высоким уровнем владения бурятским языком, поскольку требуют от информанта владения разнообразными лексическими средствами языка и понимания его грамматического устройства.

2. Частое применение таких ПРМ, как приблизительное обозначение, описательное представление концепта и феномен

«слова на кончике языка», указывает на то, что многие лексемы находятся в *пассивном* словарном запасе русско-бурятских билингвов или вовсе им незнакомы; зафиксированные случаи дают возможность уточнить и дополнить группы пассивной лексики языка для методических разработок.

3. Слова, еще находящиеся в активном использовании, позволяют билингвам порождать высказывания на бурятском языке, однако от частого обращения к механизму *приблизительного* обозначения бурятская речь многих билингвов становится неточной и теряет смысловое разнообразие.

4. Отмеченные «сбои», ошибки в бурятской речи билингва чаще всего происходят на почве самого бурятского языка, но не-

редко обусловлены влиянием доминантного, русского, языка.

Полученные результаты и отдельные точечные наблюдения о том, как функционируют элементы бурятского языка в живой речи, могут быть применены как в бурятоведении, так и в русистике, а сама работа показывает продуктивность изучения ПРМ в исследованиях по бурятско-русскому двуязычию. Важно также учитывать эти наблюдения при выработке региональной языковой политики: очевидно, что в ближайшие годы потребуются новые формы работы с молодыми носителями бурятского языка, которые помогут пробудить в них интерес к двуязычному общению и послужат стимулом для изучения национального языка.

Источники

Түхэриг 2021 — шоу-викторина «Түхэриг» [электронный ресурс] // Түхэриг ТВ. YouTube.ru. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC0uoQvhX3R4rdNKxc5l8f7Q/featured> (дата обращения: 08.11.2020).

Литература

Англо-русский 1969 — Англо-русский и русско-английский словарь ложных друзей переводчика / под ред. В. В. Акуленко. М.: Сов. энцикл., 1969. 384 с.

Дашинамаева и др. 2010 — Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект / отв. ред. Б. Д. Цыренов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. 166 с.

Дырхеева 2018 — Дырхеева Г. А. Языковая ситуация в Республике Бурятия // Мир Большого Алтая. 2018. № 4 (2). С. 302–320.

Дырхеева 2015 — Дырхеева Г. А. Буряты и бурятский язык в зеркале статистики (по результатам переписей населения) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2015. № 3. С. 158–166.

Русакова 2013 — Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. 568 с.

Трегубова 2016 — Трегубова Д. Д. Бурятский язык в глобальной языковой системе // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 4. С. 75–82.

Хилханова 2009 — Хилханова Э. В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуа-

Sources

Tükherig TV Quiz Show. On: YouTube. Available at: <https://www.youtube.com/channel/UC0uoQvhX3R4rdNKxc5l8f7Q/featured> (accessed: 8 November 2020). (In Bur. and Russ.)

ции в этнической Бурятии): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2009. 356 с.

Шагдаров, Черемисов 2010 — Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. I–II. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. Т. I. 636 с.; Т. II. 708 с.

de Swaan 1993 — Swaan de A. The Emergent World Language System: An Introduction // International Political Science Review. 1993. Vol. 14. № 3. Pp. 219–226.

Dörnyei, Kormos 1998 — Dörnyei Z., Kormos J. Problem-Solving Mechanisms in L2 Communication: A Psycholinguistic Perspective // Studies in Second Language Acquisition. 1998. № 20 (3). Pp. 349–385.

Dörnyei, Scott 1997 — Dörnyei Z., Scott M. L. Communication Strategies in A Second Language: Definitions and Taxonomies // Language Learning. 1997. № 47. Pp. 173–210.

Grosjean 2000 — Grosjean F. Myths about Bilingualism // [F. Grosjean's personal page] / University of Neuchâtel. Switzerland, 2000. URL: https://www.francoisgrosjean.ch/myths_en.html (дата обращения: 01.08.2021).

Valdés 2000 — Valdés G. Teaching Heritage Languages: An Introduction for Slavic-Teaching Professionals // The Learning and Teaching of Slavic Languages and Cultures / O. Kagan, Rifkin B., B. Bauckus (eds.). Bloomington: Slavica, 2000. Pp. 375–403.

References

- Akulenko V. V. (ed.) English-Russian and Russian-English Dictionary of False Friends. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1969. 384 p. (In Russ. and Eng.)
- Dashinimaeva P. P. et al. Buryat-Russian Bilingualism: A Psycholinguistic Aspect. B. Tsyrenov (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2010. 166 p. (In Russ.)
- Dörnyei Z., Kormos J. Problem-solving mechanisms in L2 communication: A psycholinguistic perspective. *Studies in Second Language Acquisition*. 1998. No. 20 (3). Pp. 349–385. (In Eng.)
- Dörnyei Z., Scott M. L. Communication strategies in a second language: Definitions and taxonomies. *Language Learning*. 1997. No. 47. Pp. 173–210. (In Eng.)
- Dyrkheeva G. A. The Buryats and the Buryat language as mirrored by statistics (Census data). *Acta Linguistica Petropolitana*. 2015. No. 3. Pp. 158–166. (In Russ.)
- Dyrkheeva G. A. The language situation in Buryat Republic. *World of the Great Altai*. 2018. No. 4 (2). Pp. 302–320. (In Russ.)
- Grosjean F. Myths about bilingualism. On: University of Neuchâtel, Switzerland (website). 2000. Available at: https://www.francoisgrosjean.ch/myths_en.html (accessed: 1 August 2021). (In Eng.)
- Khilkhanova E. V. Factors of Language Shift and Minority Language Preservation: Discourse and Sociolinguistic Analyses (A Case Study of Ethnic Buryatia's Language Situation). Dr. Sc. (Philology) thesis. Barnaul, 2009. 356 p. (In Russ.)
- Rusakova M. V. Elements of Russian Anthropocentric Grammar. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2013. 568 p. (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. Vol. 1, 636 p.; Vol. 2, 708 p. (In Bur. and Russ.)
- Swaan de A. The emergent world language system: An introduction. *International Political Science Review*. 1993. Vol. 14. No. 3. Pp. 219–226. (In Eng.)
- Tregubova D. D. The Buryat language in the global language system. *Oriental Studies*. 2016. No. 4. Pp. 75–82. (In Russ.)
- Valdés G. Teaching heritage languages: An introduction for Slavic-teaching professionals. In: Kagan O., Rifkin B., Bauckus B. (eds.) *The Learning and Teaching of Slavic Languages and Cultures*. Bloomington: Slavica, 2000. Pp. 375–403. (In Eng.)

